

*Н.С. РЫБАКОВ,
ПГПУ им. С.М. Кирова*

О СМЫСЛЕ ВСЕОБЩЕГО

Анализируется природа всеобщего, сопоставляются категории единичного, особенного, общего и всеобщего. Показано принципиальное различие категорий «общее» и «всеобщее», исследуются проявления всеобщего в бытии мира.

Говоря о своеобразии философского знания, многие философы указывают на всеобщность как на его отличительный признак. Интерес к всеобщему в истории философии был очень высок, сложились разные подходы к проблеме всеобщего [1], называемой иногда проблемой универсалий [2]. Г.Г. Майоров отмечает, что «именно через Боэция и в философскую мысль, и в философский лексикон средневековья вошла та проблема, которая с тех пор называют проблемой "универсалий". Правда, поставлена она была задолго до него, по крайней мере, еще сократиками Антисфеном и Аристиппом; затрагивалась она и Платоном и Аристотелем, а сформулирована как проблема была Порфирием...» [3]. При исследовании проблемы всеобщего в поле зрения философа вовлекаются многочисленные смежные проблемы. Непосредственно с категорией всеобщего сопряжены категории единичного, особенного и общего, без обращения к которым полноценный анализ всеобщего был бы невозможен.

В соответствующей литературе [4] содержание категории единичного достаточно однообразно описывается с помощью нескольких групп понятий: отдельное, ограниченное, дискретное, изолированное, автономное, обособленное, отличающееся (отличное) от другого, неповторимое, индивидуальное.

Между категориями единичного, особенного и общего существует взаимосвязь [5], понимание особенного и общего обуславливается определенной концепцией единичного, которое рассматривается обычно как исходный пункт движения к общему. Многие авторы интерпретируют единичное как отличное, неповторяющееся, индивидуальное. Если единичное считать отдельным, то дальнейший ход мысли неизбежно переключается на поиск субстрата отдельного. В этом случае можно полагать, что отдельное есть вещь, предмет, обладающий самостоятельным бытием. Отдельное отличается от другого отдельного, потому и отыскиваются признаки неповторимости, несхожести. В итоге происходит подмена единичного индивидуальным. «Единичное, отличающееся не только местом в пространстве и времени, своим, так сказать, порядковым номером..., но и качественными особенностями, выражается понятием "индивидуальное" – вариантом категории, несущим особенно большой идеологический заряд» [6]. Категория индивидуального, совершенной формой которого является уникальное, внешне очень близка к единичному, но не тождественна ему и не может подменять его. Сводить единичное к индивидуальному неправомерно, равно как и определять единичное через качественные особенности, ибо особенное само вырастает из единичного и должно определяться по отношению к нему. Возможность же такой подмены показывает, что от категории единичного имеются два разных пути – как к индивидуальному, так и к общему. Единичное – узловая категория, к раскрытию содержания которой следует подходить более тщательно.

В большинстве случаев общее определяется как сходное, повторяющееся, инвариантное [7]. М.Г. Макаров добавляет еще два смысловых оттенка общего: 1) тождественный признак всех элементов некоторого множества; 2) само множество как общность, связанная в единое данным признаком [8]. Некоторые авторы говорят о разнообразии видов существования и проявления общего в действительности, что свидетельствует об отсутствии единообразного способа воплощения общего, в итоге чего общее оказывается не только сходным и повторяющимся, устойчивым, но и текучим, подвижным. Это отражается в категориях общего-случайного и общего-необходимого, общего-внутреннего и

общего-внешнего, общего-существенного и общего-несущественного, общего по форме и общего по содержанию.

Стремление разобраться в сущности общего приводит к построению двух содержательно разных концепций общего. Г.Д. Левин пишет, что в основе разных пониманий общего лежат две разные теории – сходства и тождества. Для определения общего в первом случае ключевым является понятие сходства (такой же самый), во втором – понятие тождества (тот же самый) [9]. Считая, что вещь не может быть ни единичной, ни общей, что категории единичного и общего применимы только к признакам вещей, он показывает, что между этими теориями имеется противоречие: если в рамках теории сходства общих сходных признаков в действительности столько, сколько и их носителей, то в рамках теории тождества общий (тождественный) признак один на все множество носителей. Стремясь разобраться в данном противоречии, Г.Д. Левин характеризует теорию сходства как "инструмент материальной, практической деятельности людей имеющей дело с индивидуальными предметами и индивидуальными признаками этих предметов...", а теорию тождества квалифицирует как "инструмент теоретического анализа, относящегося к классам признаков и их носителей" [10]. Фактически же он говорит о двух уровнях общего – об эмпирически-общем и теоретически-общем.

Особенное характеризуется преимущественно как промежуточное звено между единичным и общим. Но методологическая значимость такого понимания особенного, по замечанию Ф.С. Лимантова, невелика. Более существенно, что особенное есть такое выражение единства общего и единичного, за которым "просвечивает" иная общность [11]. Понимание особенного как промежуточного звена тривиально и проистекает из-за отсутствия единого подхода к связке категорий «единичное – особенное – общее».

Последнее обстоятельство является причиной и того, что в цитируемой нами литературе категория всеобщего либо совсем отсутствует, либо отождествляется с категорией общего. Иногда делается оговорка, что "всеобщее есть предельно общее, его высшая степень" [12]. А.П. Шептулин выделяет два вида общего – общее-случайное и общее-необходимое – и называет последнее всеобщим. Он различает всеобщее в рамках определенного круга явлений, или всеобщее в рамках физических явлений, живых систем, сфер общественной жизни, и подлинно всеобщее, охватывающее все материальные образования [13]. Во многих случаях дальше «глубокомысленного» пояснения, что всеобщее – это всем общее, авторы не идут. Однако такое пояснение мало содержательно, поскольку общее и всеобщее не тождественны. Но и тут авторы нередко ограничиваются характеристикой всеобщего как «обнимающего все существующее, как предельно общего, как высшего рода» [14].

Необходим единый взгляд на данные категории и их соотношение, чтобы можно было разобраться в сущности всеобщего. Обратимся для этого к анализу Марксом формы стоимости.

«Богатство обществ, в которых господствует капиталистический способ производства, выступает как «огромное скопление товаров», а отдельный товар – как элементарная форма «этого богатства»» [15]. Богатство есть множество товаров и отношений между ними. Чтобы вскрыть его природу, Маркс выделяет элементарное звено – отдельный товар, один из многих, безразлично какой, случайный. Он ставит его в отношении к другому отдельному товару, тоже случайному, одному из многих. Отношение двух одних товаров есть неразложимое, простейшее, исходное отношение, одно из многих, образующее простую форму стоимости, в которой, подчеркивает Маркс, скрыта тайна всякой формы стоимости и, добавим мы, тайна категорий единичного, особенного и общего.

Отношение двух отдельных товаров есть отношение вида *один – один*. Это есть отношение единичности, содержащее единицу товара и единицу отношения. Единичный – один из многих, будь то товар, предмет, процесс, признак и т.д. В этом заключен, пожалуй, главный смысл категории единичного.

Никакой неповторимости, индивидуальности, уникальности за единичным не скрывается. Если отвлечься от субстрата вещи (товара), то единичное предстает именно в своей однородности. Единичное – не просто одно из многих, но такое одно, которое является

минимально общим. Лишь в этом случае получает обоснование заложенная в единичном устремленность к общему: единичное беремно общим и необходимо им разрешается при соответствующих условиях.

«Простая форма стоимости обуславливает, что стоимость данного товара выражена только в одном, но все равно каком товаре другого рода» [16]. Во множестве товаров один (этот) товар вступает в отношении не с одним другим, а с *любым* другим, в результате возникает множество отношений одного (этого) к другим. Поскольку один (этот) товар взят произвольно, постольку на его месте может оказаться любой другой товар. Складывается бесконечный ряд отношений товаров, который Маркс называет полной, или развернутой формой стоимости. Этот ряд «по самой своей природе всегда может быть продолжен, или никогда не кончается...» [17]. Образованный из многих одних (единичностей) и лишь этим отличающийся от одной единичности, этот ряд и есть общее. Общее есть отношение вида *многое – многое*.

Общее есть многократно суммированное единичное. Вполне резонно видеть в таком общем повторение одних, а поскольку сам процесс повторения в статике может быть представлен как наличное множество элементов, то в основание такого повторения, «складывающего» элементы в множество, допустимо положить сходство: один и *такой же* другой. Отсюда один шаг до выяснения соотношения вещи и признака. Г.Д.Левин пишет, что «вещь отличается от признака, во-первых, тем, что способна к самостоятельному существованию в пространстве и времени, и, во-вторых, тем, что, обладая признаками, сама не может быть ничьим признаком: ни признаком признака, ни признаком вещи» [18].

Разумеется, признак и вещь различны. Но если вслед за А.П.Шептулиным мы будем применять категории единичного и общего не к вещам, обладающим признаками и имеющим самостоятельное существование, а к признакам, не имеющим самостоятельного существования, то рискуем оказаться в неприятной ситуации. Ибо в таком случае из поля действия названных категорий выпадают вещи, областью их приложения оказывается лишь мир признаков, не имеющий самостоятельного существования. Но таковое принять невозможно, и поэтому сторонникам этой позиции приходится отождествлять признак и его носителя [19]. Но и это не спасает положение, поскольку вещь обладает множеством признаков и не ясно, с каким из них отождествлять следует носителя? В конкретном случае их отождествление должно будет производиться различным образом, и вещь рискует превратиться в нечто, существующее лишь в нашем воображении.

Сходство имеет место в узких пределах эмпирической деятельности. Само сходное имплицитно опирается на понятие многого. Одно уже предполагает другое, не совпадающее с первым, а потому речь неизбежно заходит о двух одних. Но два одних образуют многое. Многое же и есть сущностное выражение общего. Поэтому сказать, что общее базируется на сходном, все равно, что признать существование многого. Теория схождения неявно предполагает понятие общего. Если сходное предполагает многое, то многое возможно на базе не только сходного, но и разного. Понятие многого дает более широкие возможности для анализа общего. У двух разных по своей натурально-вещественной форме товаров нет никаких видимых сходных признаков, тем не менее, что-то их связывает друг с другом.

Движение от единичного (одно-одно) к общему (многое-многое) осуществляется через особенное, которое по самому своему смыслу есть отношение типа «одно-многое». Феноменологически оно предстает как промежуточная ступень между единичным и общим. Особенное есть способ связи единичного с единичным (одного с разными другими), способ существования общего в единичном (многого в одном). Именно через особенное в вещь (предмет, процесс) «внедряются» отличительные, неповторимые черты. Оно же говорит и о том, что неповторимость, существуя наряду с множеством других неповторимостей, каким-либо образом воспроизводится. Особенное – это множество неповторяющегося. Оно есть соотношенность многих единичных, каждое из которых существует наряду с другими и равноправно репрезентирует предметы действительности.

На уровне единичного о разнообразии ничего нельзя сказать, на уровне общего оно снимается. Разнообразие мира расцветает на уровне особенного. Особенное есть объек-

тивный индикатор перехода от одного ко многому и обратно. За ним и «просвечивает» общее, форму выражения которого еще предстоит выяснить. Особенное потому и особенное, что не имеет единообразной формы отношения одного ко многому. Единичное не способно раскрыть форму проявления общего, особенное не исчерпывает множества этих проявлений. Потому и необходимо движение от единичного к общему, существование же единичного свидетельствует именно о наличии общего.

В категории единичного мысль фиксирует существование самой вещи, причем на первый план выступает ее субстрат. В категории особенного происходит сопоставление одного со многим, здесь-то и возникает потребность в сходном. В категории общего на первый план выступает уже не вещь, не простое множество вещей, а то, что их объединяет. В этом случае вещь как бы уходит на второй план, становясь придатком сходного, то есть происходит не отождествление носителя с признаком, как полагает Г.Д.Левин, а переход от носителя признака к признаку носителя.

Вещь «поскольку бывает и проявляет свое бытие, постольку она вступает в какие-то отношения с другими вещами. Вещь не существует вне свойств, свойство не существует вне вещей. Отношения – универсальные определения вещи, ограничивающие ее» [20]. Проблема заключается не столько в разграничении вещи и признака, сколько в их единении. Лишь на этой основе возможно решение проблемы перехода от единичного к общему, развертывание единой концептуальной структуры единичного-особенного-общего. Общее есть бесконечный ряд отношений сходного. Оно единообразно, незавершенно, экстенсивно, пока не установлен принцип порождения сходного, принцип конструирования отношений действительности. От концепции общего неминуем переход к теории тождества (тот же самый): признак вещи один на все множество (вещей).

Прежде несколько замечаний о соотношении вещи и признака [21]. Признак вещи не тождественен вещи. Никакой признак стола (деревянность, квадратность, цветность) не есть сам стол. Признаки вещи не образуют, они нуждаются в носителе. Вещь – такой носитель признаков, в котором признаки совмещаются и перестают быть чем-то самостоятельным и разобленным. В вещи признаки преобразуются, появляется нечто одно (неделимое целое). Вещь как единство признаков и их носителя есть нечленимое единство, целое. Всякий признак должен рассматриваться не сам по себе, чего требует теория сходства, узаконивая разорванность общего посредством противопоставления вещи и признака, а в свете вещи как единства носителя и признаков. Вещь есть неделимое единство противоположностей, и характеризовать ее только через признаки – значит гипостазировать их, превращая в отдельные вещи.

Единичное опирается на категорию «одно», общее – на категорию «многое». Одно связано со многим. Необходим синтез этих категорий. Он дает категорию «единое». Всякая вещь едина: и одна, и многая. Единое есть нечто, объединяющее многое в одно, от одного ко многому, от многоти одних к многоти многих, что ведет к единому как новому смысловому образованию бытия. «Единое, – пишет А.Ф.Лосев, – содержит все существующее как бы в одной нерасчлененной точке и представляет собою как бы заряженность всего бытия, источник всякого бытия и всякой жизни и потому более высокий и более мощный, чем всякий ум, чем всякая душа и всякое тело как космическое, так и внутрикосмическое» [22]. Синтез одного и многого в единое позволяет перейти к теории тождества, которая и опирается на категорию единого. Вещь и тождественна самой себе, и вместе с тем уже полагает различие с самой собой, что становится основой разнообразия вещей и их признаков.

Всеобщее в его тривиальном толковании есть всем общее. Но в чем заключается «всем общее»? Каков его субстрат? И правомерно ли говорить о субстрате всеобщего? Каков способ существования всеобщего? Вернемся снова к Марксу.

От развернутой (полной) формы стоимости он переходит к всеобщей, в которой все товары относятся к одному-единственному товару. От отношения единичности (один-один) через отношение особенности (один-многие) и общности (многие-многие) мы возвращаемся ко второй ступени, но уже обернутой: многие-одно. Общее, незавершенное и бесконечное, завершилось, свернулось в форму отношения к одному особенному товару, став всеобщим. Все в одном и все через одно – суть всеобщего. Многое свелось к

единой и единственной форме. Энгельс отмечал, что «форма всеобщности есть форма внутренней завершенности и тем самым бесконечности...» [23]. Но бесконечность здесь уже иная, чем в рядоположенной бесконечности развернутой формы стоимости. Важнейшим критерием всеобщего является внутренняя завершенность.

Общее – это присущее многим. Всеобщее стягивает множественность к одному-единственному представителю, делая его универсальным эквивалентом. Деньги – не только особый товар, но и всеобщий эквивалент товаров. Сами по себе они суть символически-знаковое выражение всеобщности товарного мира. Распространение и функционирование денег в обществе есть показатель того, что всеобщее не просто существует объективно – оно признано людьми: всеобщим пользуются, обращаются с ним, транслируют из одной формы в другую.

Всеобщее и общее качественно отличны друг от друга: первое не является продолжением второго в смысле максимальной степени общности. Субстрат общего – сходное, «субстрат» всеобщего – свернутость многих в одно, то есть завершенность.

Качественное различие общего и всеобщего фиксируется, к примеру, в книге Н.Я.Данилевского «Россия и Европа», где одна из глав посвящена проблеме соотношения народного и общечеловеческого. Анализируя последнее понятие, автор различает общевидовое и всевидовое. От данных понятий он переходит к понятию общечеловеческого, затем всечеловеческого, которое выше всякого отдельно-человеческого и неосуществимо в какой бы то ни было одной народности. Всечеловеческое есть идеал, достижимый развитием всех культурно-исторических типов [24].

Аналогичное представление о всеобщем мы находим у П.А.Флоренского, который пишет, что житейское мировоззрение не имеет ни определенного предмета, ни определенной точки зрения. Оно обращается с единичным, конкретным и, владея полнотою всесторонности, не владеет порядком и формой. Наука дробит единичное, в результате чего возникает общее, застывшее в множественности. Философия стремится к большей полноте. И тогда «течет высвобожденная множественность и, утекая, снова свивается в единичное, но теперь уже не одно из единичных, но в единичное преимущественно, – в единичное, охватывающее собою единичности. Это – всеобщее. Это – идея» [25]. П.А.Флоренский высказывает мысль, что всеобщее есть «единовременное и последовательное», «отдельный случай», поскольку «достигнутость делает нечто индивидуальным, превращает в "уникум", поэтому делает все остальные случаи, подобные ему, уже излишними. И обратно: "отдельный случай", мысленно доведенный до индивидуального совершенства, тем самым становится "всеобщим» [26]. «Что же касается до "общего", то оно всегда вариационно, множественно, есть как бы вечное подготовление ко всеобщему и потому многослучайно и в своем проявлении держится закона: чем больше раз, тем лучше. Уже самая эта степень нам здесь красочно указывает, что "общее" не может стать единственным, т.е. "отдельным случаем"» [27]. Способность видеть единство во множестве оказывается, по замечанию П.А.Флоренского, важнейшей пробой на диалектическое видение мира [28].

На это обстоятельство мы хотели бы обратить особое внимание, поскольку в философской литературе идет дискуссия по проблеме релятивизма, генерируемой плюралистскими описаниями мира, разговорами о полионтичности сущего и т.д. [29]. Споры нет, релятивистское видение мира – неперемное условие осмысления его многомерности и многообразия. Но вместе с тем увлечение релятивизмом довольно опасно, особенно при неумелом с ним обращении, поскольку, по выражению С.Л.Франка, он ведет к нигилизму и неверию. Надо, пишет он, столкнуться с собой усилием мысли «обессиливающее наваждение релятивизма» [30]. От себя добавим, что источником релятивизма является поверхностное, эмпирически-утилитарное видение мира. Если «засесть» на этой ступени «осмысления» действительности, то релятивизм окажется единственной и непобедимой эпистемологией и методологией. Но если понимать, что за всякой множественностью должно «просвечивать» единство, то релятивизм будет лишь первичной ступенью, от которой следует двигаться дальше к всеобщему, диалектически полифоничному изображению мира.

Мысль П.А.Флоренского прозрачна: действительность необходимо «проработать» до всеобщего. Через часть выражается целое, целое же именно во всем. Всеобщее как целое, а только здесь оно и открывается как "отдельный случай", и есть живая связь всех явлений, исполненных, по его мнению, таинственностью первоявления сверхчувственности своей идеи. Субстанция всеобщего представляется посредством идеи, интуиции, живой связи, что не может быть фиксируемо ни в виде сходного, ни в виде повторения. Эта интуиция, значит, и всеобщее обнаруживаются всегда там, где имеет место оборачиваемость действительности, свернутость и завершенность ее форм. Такое понимание всеобщности как конкретности живого бытия, выраженного через индивидуальное целое, пишет Н.О.Лосский, присуще всей русской философии, начиная с И.В.Киреевского и А.С.Хомякова, проходит через философию В.С.Соловьева, П.А.Флоренского и С.Н.Булгакова к Н.А.Бердяеву, Л.П.Карсавину, С.Л.Франку и далее [31].

Всеобщее как "отдельный случай" делает нечто представителем всех, а это и есть внутренняя завершенность, свернутость в себя, в свою собственную бытийность. В этом смысле всеобщее как конкретное (многообразное) бытие может быть названо индивидуальным, имеющим приоритет над общим, о чем пишет Н.О.Лосский. [32]. Логическая форма выражения всеобщего, считает П.С.Юшкевич такова: «Все есть Все» [33]. Это есть одна колоссальная тавтология. Видимо, большей предельной свернутости от всеобщего ожидать нельзя. Это состояние всеобщего есть вместе с тем и начальное состояние мира, который раскрывается в своей совокупности как тавтология, а принцип тождества есть непосредственная форма ее выражения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. А.П.Шептулин выделяет четыре основных направления: платонистское, номиналистическое, кантианское и аристотелевское. См.: Шептулин А.П. О сущности всеобщего //Философские науки. – 1984. – № 1.
2. См.: **Майоров Г.Г.** Формирование средневековой философии. Латинская патристика. – М., 1979; Соколов В.В. Средневековая философия. – М., 1979; Гайденок В.П., Смирнов Г.А. Западноевропейская наука в средние века. Общие принципы и учение о движении. – М., 1989. – С. 173-214; Левин Г.Д. Диалектико-материалистическая теория всеобщего. – М., 1987. – Гл. 2; он же: Тождество и сходство //Вопросы философии – 2005. – № 12; Нарский И.С. Проблема универсалий и дискуссия на XVI Всемирном философском конгрессе //Философия и мировоззренческие проблемы современной науки. XVI Всемирный философский конгресс. – М., 1981; Ойзерман Т.И. Существуют ли универсалии в сфере культуры? //Ежегодник Философского общества СССР 1989-1990. Человек и человечество: духовные традиции и перспективы. – М., 1990 и др.
3. **Майоров Г.Г.** Судьба и дело Бозэция //Бозэций. «Утешение философией» и другие трактаты. – М., 1990. – С. 360-361.
4. См.: **Спиркин А.Г.** Основы философии. – М., 1988. – С. 202; Введение в философию. Учебник для высших учебных заведений. В двух частях. – М., 1989. – Ч. 2. – С. 109; Категории материалистической диалектики. – М., 1957. – С. 280; Шептулин А.П. Диалектика единичного, особенного и общего. – М., 1973. – С. 131; Левин Г.Д. Диалектико-материалистическая теория всеобщего. – С. 45, 64; Кузнецов В.И. Проблема «универсалий» в физическом познании. – Киев, 1987. – С. 64; Макаров М.Г. Сложность и вариативность категорий диалектики. – Л., 1988. – С. 79.
5. Эта взаимосвязь превращает названную тройку категорий в единую категориальную структуру, которую, к примеру, рассматривает В.И. Кузнецов в «Проблеме «универсалий» в физическом познании». – С. 20.
6. **Макаров М.Г.** Сложность и вариативность категорий диалектики. – С. 85.
7. См.: Введение в философию. Учебник для высших учебных заведений. В двух частях. – Ч. 2. – С. 109; Макаров М.Г. Сложность и вариативность категорий диалектики. – С. 85.
8. **Макаров М.Г.** Сложность и вариативность категорий диалектики. – С. 90.
9. Левин Г.Д. Диалектико-материалистическая теория всеобщего. – Гл. 1. Попутно заметим, что всеобщим в названной книге Г.Д. Левин занимается менее всего, обсуждая проблему всеобщего лишь во введении.
10. Там же. – С. 109.
11. См.: Лимантов Ф.С. О категории «особенное» // Понятия, принципы, категории. – Л., 1975.
12. **Макаров М.Г.** Сложность и вариативность категорий диалектики. – С. 85.
13. **Шептулин А.П.** О сущности всеобщего. – С. 36.
14. **Демичев В.А.** «Вещь» («отдельное») как клеточка всеобщего и исходная категория диалектического материализма //Проблемы развития системы категорий марксистско-ленинской философии. Межвузовский сборник научных трудов. – Челябинск, 1980. – С. 34; он же: О диалектико-материалистическом истолковании всеобщего // Проблемы всеобщего в марксистской философии. Тезисы межвузовской региональной конференции. – С. 14.
15. **Маркс К., Энгельс Ф.** Соч. – 2-е изд. – Т. 23. – С. 43. Детальный анализ форм стоимости в русле данной проблемы см.: Рыбаков Н.С. Факт. Бытие. Познание. – Екатеринбург, 1994.

16. **Маркс К., Энгельс Ф.** Соч. – 2-е изд. – Т. 49. – С. 155.
17. Там же. – С. 155.
18. **Левин Г.Д.** Диалектико-материалистическая теория всеобщего. – С. 34.
19. Там же. – С. 95-112.
20. **Парнюк М.А.** Принцип детерминизма в системе материалистической диалектики. – Киев, 1972. – С. 7.
21. В данных рассуждениях мы опираемся на идеи А.Ф. Лосева. См.: Лосев А.Ф. Дерзание духа. – М., 1988. – С. 60-67.
22. **Лосев А.Ф.** История античной эстетики. Высокая классика. – М. 1974. – С. 439-440.
23. **Маркс К., Энгельс Ф.** Соч. – 2-е изд. – Т. 20. – С. 548-549.
24. См.: **Данилевский Н.Я.** Россия и Европа. – М., 1991. – Гл. VI.
25. **Флоренский П.А.** Т.2. У водоразделов мысли. – М., 1990. – С. 146.
26. Там же. – С. 147-148.
27. Там же. – С. 147.
28. Там же. – С. 145.
29. См.: **Лосский Н.** Идея конкретности в русской философии // Вопросы философии. – 1991. – № 2.
30. См.: **Микешина Л.А.** Релятивизм как эпистемологическая проблема // Эпистемология и философия науки. – 2004. – Т. 1. – № 1. В указанном номере журнала размещены материалы панельной дискуссии по данной проблеме.
31. **Франк С.Л.** Религиозные основы общественности // Путь. Орган русской религиозной мысли. Книга 1 (I-VI). – М., 1992. – С. 15-16. (Верхняя пагинация).
32. **Лосский Н.** Идея конкретности в русской философии. – С. 129.
33. **Юшкевич П.С.** О сущности философии (К психологии философского мировоззрения) // Философские науки. – 1990. – № 9. – С. 91. Об этом же говорит и Н.О. Лосский: «... до известной степени в мире «все имманентно всему». См.: Лосский Н. Идея конкретности в русской философии. – С. 134. О тавтологии см.: Рыбаков Н.С. Мир как тавтология // Современная социальная онтология: итоги и перспективы: Материалы конференции, посвященной открытию в БашГУ факультета философии и социологии. – Уфа, 2001.

Л.П. СЕЛЕНЯ,

Российский государственный социальный университет, филиал в г. Мурманске,

УРБАНИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В СОВРЕМЕННОЙ ЗАПАДНОЙ СОЦИОЛОГИИ

В статье освещены урбанистические концепции западных социологов.

Фундаментом современной теории и практики в исследовании социологии города являются идеи классической социологической науки. В современной западной социологии эти идеи получили дальнейшее развитие. К популярным урбанистическим теориям прежде всего можно отнести работы Чикагской школы. Она представлена двумя концепциями: 1) урбанистической экологии (Р.Парк) и 2) урбанизм как образ жизни (Л.Уэрт).

По мнению представителей концепции урбанизма как образа жизни, урбанизм есть форма социального существования. Согласно теории Уэрта, городской образ жизни характеризует социальную жизнь современного общества в целом¹.

К числу наиболее интересных теорий урбанизма следует отнести концепции Д.Харвея и М.Кастельса, которые в качестве основания для анализа города использовали изучение экономических процессов и политического процветания элиты. Их теории основываются на анализе процессов функционирования классов и процессов городского коллективного потребления². Неомарксистские социологические теории сформировались

¹ Теорию **Луиса Уэрта**, несмотря на убедительность его аргументации, абсолютизировать не стоит: она базируется на наблюдениях, сделанных в американских городах. В силу этого они представляются чрезмерно обобщенными.

² См.: **Castells M.** The city and grassroots. A crosscultural theory of urban social movement. London: Edward Arnold. 1983; **Castells M.** High Technology and Urban Dynamics in the United States. In Kasarda J. (eds.). The Metropolis Era. Vol. 1 A word of Giant Cities. Newbury Park: Sage Publicaton. 1988. -P. 85-111; **Castells M.** Hall P. Technopolies of the world The making of 2- st. century industrial complexes. London: Routledge. 1944; **Harvei D.** The urban experience. Oxford: Basil Blackwell. 1989.